

К вопросу о языковых идеологиях науканского сообщества

О. М. Павлова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Аннотация

Рассмотрены языковые идеологии науканского, чукотского и чаплинского сообществ, выявленные в ходе полевых исследований в Чукотском автономном округе в период с 2022 по 2024 гг. Представлены данные о численности науканского языкового и этнического сообщества, описана языковая инфраструктура науканского языка. В науканском сообществе отмечаются языковые идеологии сложности языка, фольклоризации, негативной предопределенности, принадлежности. Превалирует отношение к науканскому языку как к более уязвимому, нежели чукотский. Респонденты полагают, что эскимосские языки стран Северной Америки и Гренландии находятся в более благополучном состоянии и имеют больше шансов на сохранение и развитие.

Ключевые слова

социолингвистическое интервью, языковые сообщества, языковые идеологии, языковые установки, науканский язык, чаплинский язык, эскимосские языки, чукотский язык

Благодарности

Автор благодарит респондентов, которые уделили свое время интервью и поделились своими историями, мыслями и чувствами, без их отзывчивости и щедрости данное исследование было бы невозможно. Также автор выражает огромную признательность лингвистам Марии Юрьевне Пупыниной и особенно Елене Михайловне Будянской за помощь в сборе исследовательского материала, совместное обсуждение, ценные комментарии и уточнения к тексту данной статьи и моральную поддержку. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ № 23-18-00204 «Динамика языковой ситуации в сообществах Крайнего Севера: диахроническая документация науканского языка» (2023–2025 гг., руководитель – В. А. Плунгян).

Для цитирования

Павлова О. М. К вопросу о языковых идеологиях науканского сообщества // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56). С. 163–183. DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-163-183

On the linguistic ideologies of the Naukan Yupik community

O. M. Pavlova

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia

Abstract

This article examines the Naukan Yupik linguistic and ethnic community, most members of which currently reside in the Chukotka Autonomous Okrug in close interaction with Chukchi and other neighboring communities. A series of field studies conducted between 2022 and 2024 employed participant observation and sociolinguistic retrospective interviews to assess the language community as a whole. The closure of the Yupik village of Naukan in 1958 and the subsequent forced relocation of its inhabitants constituted a major trauma for the Naukan Yupik community and largely predetermined the course of language shift. At present, thirty-eight speakers of the Naukan language live in Russia, most of them of advanced age; only nine are fluent speakers. Fieldwork data made it possible to identify and describe linguistic ideologies held both by members of the Naukan Yupik community and, to a lesser extent, by members of the Chukchi and Chaplino Yupik

© О. М. Павлова, 2025

ISSN 2712-9608

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 4 (Вып. 56)

Yazyki i Fol'klor Korennykh Narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 4 (iss. 56)

communities. The study shows that ideologies of linguistic complexity, folklorization, negative predestination, and belonging are salient within the Naukan community. The prevailing attitude frames the Naukan language as more vulnerable than Chukchi. Respondents further express the view that Eskimo languages of North America and Greenland are in a more favorable sociolinguistic situation and possess greater prospects for preservation and development.

Keywords

sociolinguistic interview, language communities, language ideologies, language attitudes, Naukan Yupik, Chaplino Yupik (Central Siberian Yupik), Chukchi language

Acknowledgements

The author expresses sincere gratitude to the respondents who generously shared their time, experiences, and reflections. Without their openness and trust, this study would not have been possible. The author also warmly thanks linguists Maria Pupynina and, in particular, Elena Budyanskaya for their assistance in data collection, joint discussion of the material, valuable comments, and clarifications on the manuscript, and sustained moral support. This research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-18-00204, “Dynamics of the linguistic situation in the Far North: diachronic documentation of Naukan Yupik” (2023–2025, under the direction of V. A. Plungian).

For citation

Pavlova O. M. K voprosu o yazykovykh ideologiyakh naukansкого soobshchestva [On the linguistic ideologies of the Naukan Yupik community]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]*. 2025, no. 4 (iss. 56), pp. 163–183. (In Russian) DOI 10.25205/2312-6337-2025-4-163-183

Введение

Языковые сообщества Чукотки и динамика их языковых ситуаций представляют несомненный интерес для исследователей, в том числе для социолингвистов. Помимо русского языка, на Чукотке функционируют чукотский, эскимосский, эвенский, чуванский, корякский, юкагирский языки, ранее бытовал и керекский [Коломиец 2021]. Живых эскимосских языков два: чаплинский и науканский. Ранее на Чукотке бытовал еще один эскимосский язык – сиреникский, последняя носительница которого умерла в 1997 г. [Вахтин 2000]. Наиболее благополучным в этом регионе (помимо русского) является язык чукчей, однако и он относится к языкам с территориально резко ограниченной межпоколенческой передачей, но с сохранившейся регулярной коммуникацией (подробнее языковая ситуация с чукотским языком описана в [Пупынина 2016]). Эскимосские языки – науканский и чаплинский – относятся к категории языков с прерванной межпоколенческой передачей и ограниченной регулярной коммуникацией [полевые данные; Моргунова-Швальбе 2020]. Учитывая небольшую численность носителей науканского языка (по нашим данным, свободно владеют науканским девять человек пожилого и преклонного возраста), науканский язык вызывает наибольшие опасения с точки зрения перспектив его сохранности.

Нельзя сказать, что языковая ситуация на Чукотке остается без внимания исследователей (см., например, работы Н. Б. Вахтина, Е. В. Головки, И. И. Крупника, Д. Н. Моргуновой-Швальбе, Д. А. Опарина и др.), однако исследование языковых идеологий языковых и этнических сообществ этого региона пока имеет некоторые лакуны. Языковые идеологии чаплинского и некоторых эскимосских языков зарубежья описаны в [Morgounova Schwalbe 2015], однако языковые идеологии науканского сообщества, по нашим данным, не описывались в научной литературе ранее.

Объектом исследования, описанного в настоящей статье, стала языковая ситуация, в первую очередь, науканского языка, однако с привлечением материалов чаплинского и чукотского языков. Предметом – языковые идеологии членов науканского сообщества (наряду с языковыми идеологиями членов чукотского и чаплинского сообществ).

Целью настоящей статьи является описание выявленных в результате социолингвистического исследования языковых идеологий науканского сообщества.

Прежде чем перейти непосредственно к теме статьи, необходимо сказать несколько вводных слов о терминологии, поскольку в данной области существуют различные подходы. Языковые идеологии (или лингвистические идеологии; англ. *language ideologies*) как научное понятие в настоящее время не имеют единой общепринятой дефиниции. Помимо этого, термин *языковые идеологии* иногда выступает как синоним *языковым установкам* (англ. *language attitudes*).

Понятие языковых идеологий часто связывается с именами таких исследователей, как Дж. Бломмарт (J. Blommaert), М. Сильверстайн (M. Silverstein), Дж. Ирвин (J. Irvine), С. Гал (S. Gal), П. Кроскриты (P. Kroskrity), К. Вулард (K. Woolard), при этом основоположником изучения языковых идеологий часто называют М. Сильверстайна. Среди отечественных исследователей тему языковых идеологий разрабатывают Э. В. Хилханова [Хилханова 2020, 2022], О. С. Гришечко [Гришечко 2017], О. Е. Опарина [Опарина 2017], Е. М. Тюленёва [Тюленёва 2023] и др.

Э. В. Хилханова, апеллируя к [Woolard 2003; Kroskrity 2000: 5; Blommaert 2006: 244], определяет лингвистические идеологии как «системы убеждений, установок и идей, которые носители имеют о языке / языках и их связи с социальными ценностями. Лингвистические идеологии также определяются как образы социально желательных форм использования языка и идеального социального языкового ландшафта, которые сами являются частью и / или производными от более крупных, часто исторически укоренившихся социально-политических идеологий» [Хилханова 2020: 786].

Языковые идеологии могут быть эксплицитными (явными) и имплицитными (скрытыми): эксплицитные излагаются в металингвистических и метапрагматических высказываниях говорящих, а имплицитные – в языковых практиках говорящих. По словам К. Вулард, «языковые идеологии проявляются не только как ментальные конструкции и вербализация, но также в практиках и диспозициях, а также в материальных явлениях, например в визуальной представленности» [Woolard 2021: 2; цит. по: Fazakas 2022: 35].

Несмотря на то, что некоторые исследователи считают синонимичными понятия *языковые идеологии* и *языковые установки*, мы вслед за Э. В. Хилхановой разграничим их: «(вос)производство ценностных и поведенческих ориентиров свойственно и идеологии, и установке, но идеологии рационализируются в большей степени, чем установки. И (языковые) установки, и (языковые) идеологии могут быть и индивидуальными, и коллективными, но установки в первую очередь индивидуальны, а идеологии больше коллективны. Идеологии усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных социальных же обстоятельствах и имеют социальные последствия. (Языковые) идеологии представляют собой более широкое и абстрактное понятие, чем языковые установки» [Хилханова 2022: 157]. Языковые установки не обязательно выливаются в речевое поведение, они могут продолжать оставаться на уровне отношения к языку без каких-либо действий. В отличие от языковых установок, языковые идеологии «становятся видимыми благодаря реальной языковой практике» [Dyers, Abongdia 2014: 16; цит. по: Хилханова 2022: 156].

Под языковым сообществом мы понимаем «совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с разного рода социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности» [Словарь социолингвистических терминов 2006: 271]. Таким образом, под науканским, чаплинским, чукотским языковыми сообществами мы понимаем группы людей, в разной степени владеющих соответствующими языками.

Этническим сообществом мы называем более крупную совокупность (общность) людей, относящихся к указанным этническим группам, вне зависимости от того, владеют ли они этническим языком, то есть, например, к науканскому этническому сообществу мы относим и тех людей, кто считает себя науканским эскимосом или является потомком науканских эскимосов, но при этом не владеет науканским языком.

Статья базируется, в первую очередь, на данных, полученных в ходе интервью, проведенных по специально разработанному опроснику о языковых идеологиях в 2024 г., а также на социолингвистических интервью более широкой тематики, проведенных на Чукотке в 2022–2023 гг.

1. Языковая ситуация науканского языка

1.1. История Наукана

Включение исторического комментария обусловлено тесной связью судьбы науканского языка с «биографией» поселка Наукан, так как он был местом компактного проживания науканских эскимосов, местом, где бытовал науканский язык (подробнее об этом см. в [Пупынина и др. 2025]).

Группа науканских эскимосов и их язык получили свое название по имени села Наукан (эск. *Нувук'ак* 'дернистый'), эскимосского поселения в Чукотском районе Чукотского автономного округа, на мысе Дежнёва, на крутом высоком берегу Берингова пролива на расстоянии около 80–86 км (по воде) от Аляски.

По данным археологии, Наукану, по всей видимости, около 500 лет [Днепровский, Шокарев 2019: 3]. Согласно гипотезе М. Краусса об обратной миграции эскимосских народов с Аляски на Чукотку, этот процесс завершился переселением предков науканцев [Krauss 1980]. Формирование Наукана происходило до начала XX в., после чего науканский язык стал по сути языком одного поселка [Пупынина, Коряков 2024: 48; Krupnik, Chlenov 2013: 34; Крупник, Членов 1979: 21; Членов, Крупник 1983]. По данным Н. Л. Гондатти, в 1895 г. в Наукане проживало 299 чел. [Гондатти 1897: 168]

В дореволюционное время эскимосы с. Наукан жили своим традиционным укладом, добывали кита и морского зверя, выделывали их шкуры, вели торговлю и обмен с оленными чукчами, а также с американскими торговцами. Некоторые охотники занимались в плавания на американских торговых судах. Нередки были частные поездки в гости на о-ва Берингова пролива и на Аляску, так как активно поддерживались родственные связи с эскимосами, живущими «на той стороне».

К 1940-м гг. «Наукан стал обычным национальным колхозом Чукотки с атрибутами советской жизни той эпохи и включенностью его жителей в строительство “нового общества”» [Членов, Крупник 2016: 60].

В 1948 г. в акватории Берингова пролива была закрыта государственная граница между СССР и США; соответственно, свободное общение эскимосов, живущих в двух странах, было прекращено (или сильно затруднено, так как, по некоторым свидетельствам, контакты продолжались, но в меньшем объеме и с большой осторожностью).

В 1950-е гг., в связи с обострением внешнеполитических отношений между СССР и США, а также в связи с трудностями снабжения отдаленных сел начался процесс укрупнения, ряд береговых сел были закрыты. В 1958 г. был закрыт и Наукан. Больше половины его жителей были спешно перевезены в чукотское село Нунямо, которое не успели подготовить к их приезду, остальные науканцы отдельными семьями и небольшими группами переехали в другие села Чукотки. После закрытия Нунямо в 1977 г. науканцы пережили второй массовый переезд и распределились еще более дисперсно, что не могло не сказаться на языковой ситуации науканского языка (см. подробнее об этом [Пупынина и др. 2025]). Закрытие Наукана и то, как оно было осуществлено, до сих пор вызывает сложные чувства как у тех, кто успел там родиться, так и у их потомков, и, по сути, стало трагедией народа.

В настоящее время в Наукане (ныне урочище) можно обнаружить лишь каменные кладки яранг, фундаменты домиков и административных построек, несколько сохранившихся вешал из китовых ребер для байдар. Также здесь располагается работающий пункт уэленской пограничной заставы (рис. 1).

Таким образом, история поселка Наукан оказалась неразрывно связана и с диахронией языковой ситуации науканского языка. Этот взгляд подтверждается нашими полевыми данными. Закрытие поселка предопределило разделение прежде единого языкового сообщества на несколько групп, иногда совсем малочисленных (по несколько человек), претерпевших не только потерю малой родины и возможности там побывать, но и тяготы многократных переездов, слом традиционного образа жизни, оказавшихся в преимущественно иноязычном окружении (чукотского, русского, чаплинского языков). Все это, усиленное тенденциями политики русификации, начавшейся в Советском Союзе в послевоенное время, несомненно отразилось на языковых идеологиях науканского сообщества, что, в свою очередь, внесло вклад в то, что в настоящее время науканский язык находится под угрозой исчезновения.

Рис. 1. Вид на Наукан с воды Берингова пролива, август 2023 г. (фотография О. М. Павловой)
Fig. 1. View of Naukan from the waters of the Bering Strait, August 2023 (photograph by Olga M. Pavlova)

1.2. Науканское сообщество в XXI в.

Науканское сообщество может быть определено и как языковое, и как этническое.

В настоящее время науканское языковое сообщество представляет собой малочисленную дисперсно живущую группу людей по большей части пожилого и преклонного возраста. По нашим данным, владеющие на разном уровне языком (в том числе пассивно) науканцы живут как на территории ЧАО: в Чукотском районе (сс. Лаврентия, Уэлен, Лорино, Инчоун, Нешкан), в Провиденском районе (с. Новое Чаплино), в г. Анадыре, а также в других регионах России: в г. Южно-Сахалинске, с. Константиноградовка Ивановского района Амурской области, в г. Вышнем Волочке Тверской области. По данным наших интервью, можно говорить о 38 активных и пассивных носителях науканского языка. Значительное число потомков науканских эскимосов, образующих этническое сообщество, в настоящее время науканским языком не владеют.

Ниже представлены некоторые данные о местах проживания науканских эскимосов – науканском этническом сообществе – в ЧАО.

В селе Лаврентия, административном центре Чукотского района, по нашим данным, проживает около сорока науканских эскимосов и их потомков (всего эскимосов в с. Лаврентия, по данным Всероссийской переписи населения (далее ВПН) 2021 г., 196 человек). Село было создано в 1927 г. как культбаза, то есть изначально не являлось традиционным местом проживания какого-либо народа: доля приезжих с «материка» здесь по-прежнему существенна. После закрытия Наукана, а впоследствии и с. Нунямо, большая часть науканских эскимосов поселились именно в Лаврентия (рис. 2).

В чукотском селе Уэлен, которое после административной ликвидации Наукана стало самым северо-восточным населенным пунктом Евразии, проживает, по нашим данным, более десяти науканских эскимосов (всего эскимосов в с. Уэлен, по данным ВПН 2021, 58 чел.). Уэлен связывает с районным центром вертолетное и морское сообщение (рис. 3).

В чукотском селе Лорино, связанном с селом Лаврентия единственной в районе муниципальной автомобильной дорогой протяженностью около 40 км, проживают, по нашим данным, до десяти науканских эскимосов и их потомков (всего эскимосов в с. Лорино, по данным ВПН 2021 г., 57 чел.).

В столице округа – городе Анадыре, где большинство населения является приезжими с «материка», по нашим данным, проживает более двадцати науканских эскимосов и их потомков (всего эскимосов в г. Анадыре, по данным ВПН 2021 г., 199 чел.).

Рис. 2. Вид на село Лаврентия, июль 2023 г. (фотография О. М. Павловой)
Fig. 2. View of the village of Lavrentiya, July 2023 (photograph by O. M. Pavlova).

Рис. 3. Вид на село Уэлен, август 2022 г. (фотография О. М. Павловой)
Fig. 3. View of the village of Uelen, August 2022 (photograph by O. M. Pavlova).

Также науканские эскимосы и их потомки проживают на территории Чукотки (в сс. Сиреники, Инчоун, Нешкан, Новое Чаплино) и за ее пределами (в Амурской, Тверской области, г. Москве и т. д.).

С конца 1980-х гг. возобновилось родственное и культурное общение между эскимосами и чукчами обоих берегов Берингова пролива. Кроме того, российские эскимосы неоднократно посещали с визитами не только Аляску, но и Канаду и Гренландию, а также принимали гостей на «этом берегу». Общение с эскимосским миром также находит отражение в языковых идеологиях представителей науканского сообщества. Хотя личные визиты с середины 2010-х гг. снова прекратились, участие в Инуитском приполярном совете продолжает поддерживать ощущение общности с эскимосами мира.

1.3. Языковая инфраструктура

Языковая инфраструктура понимается нами как одна из характеристик языковой ситуации, которая позволяет оценить объем представленности языка в разных сферах жизни сообщества, что несомненно влияет на формируемые в сообществе языковые идеологии.

Языковую инфраструктуру науканского языка, увы, нельзя назвать обширной и общедоступной (что стало одной из причин организации проекта по документации науканского языка, в рамках которого проводилось настоящее исследование), тем не менее некоторые материалы и инициативы разных лет имеются.

В повседневной жизни науканский язык сейчас используется очень ограниченно. В том числе потому, что, как упоминалось выше, науканцы живут достаточно дисперсно. Девять человек, свободно владеющих науканским, кто мог бы поддерживать беседу, живут в четырех разных населенных пунктах: Лаврентия (4 человека), Анадырь (3 человека), Лорино (1 человек) и Уэлен (1 человек). В этом контексте особенно интересно упомянуть, что в мессенджере WhatsApp несколько лет функционирует чат «Юпик», ставший, пожалуй, единственным местом, которое объединяет науканцев в одном пространстве, пусть и виртуальном. В чате состоит 65 участников. Периодически ведется общение на науканском языке с дублированием сообщений на русском. К последнему факту очень трепетно относятся те, кто не владеет науканским языком или владеет им в небольшой степени. Кроме того, к знатокам языка в чате часто обращаются с просьбой подсказать какую-либо форму или исправить ошибку.

В связи с тем, что в советское время, когда происходило активное языковое строительство, науканский, сиренинский и чаплинский считались диалектами единого языка эскимосов, а литературный вариант был создан на основе чаплинского языка, преподавание собственно науканского языка в школах не велось, усугубляя имевшиеся экстралингвистические факторы языкового сдвига. Однако, по данным наших интервью, в начале 1990-х гг. несколько лет велись занятия по науканскому языку с детьми при доме культуры в с. Лаврентия. В последующие годы проводилось еще несколько отдельных курсов науканского языка, которые в силу краткости и эпизодичности не привели к появлению новых владеющих: курсы в Анадыре В. Г. Леоновой 2018 г., занятия Е. А. Добриевой и В. Г. Леоновой в Анадыре в рамках 3-го Окружного фестиваля родных языков Чукотки 2023 г., занятия Е. А. Добриевой в с. Лаврентия и И. В. Суворовой в Анадыре в рамках 4-го Окружного фестиваля родных языков Чукотки 2024 г. Кроме того, И. В. Суворова, будучи руководительницей народного ансамбля «Атасикун», также проводила занятия по науканскому языку в 2024 г. с участниками ансамбля. Эти инициативы безусловно оставляют отпечаток на языковых идеологиях, поскольку повышают видимость и престижность языка, создают языковую среду, удовлетворяют интерес на овладение языком у потомков науканцев, однако не приводят к существенному повышению уровня владения науканским у посещающих. В то же время важно отметить языковые ресурсы, которые могут использоваться при обучении науканскому языку: «Словарь языка науканских эскимосов», содержащий более 5000 статей [Головкин и др. 2004] и «Русско-науканский разговорник», содержащий языковые материалы (отдельные слова и фразы), составленные науканцами И. В. Автоновой, И. Суворовой и Б. Альпыгыргыным в разные годы [Автонова и др. 2025].

Что касается представленности науканского языка в научной сфере, то он является достаточно постоянным объектом интереса исследователей как сам по себе, так и совместно с чаплинским языком. Кроме того, работа науканцев с лингвистами, общение с ними, учеба у них – всё это отражается и на представлениях о языке, и на отношении к нему в сообществе. Так, например, работая с лингвистами над упомянутым выше словарем, Е. А. Добриева сформировала определенное видение места языка и различных языковых явлений, которое она, как старейшина науканцев, транслирует в сообществе.

С точки зрения представленности науканского языка в музыкальной культуре важно отметить работу народных ансамблей «Белый Парус» (с. Лаврентия), «Уэлен» (с. Уэлен), «Атасикун» (г. Анадырь), продолжающих танцевально-песенные традиции эскимосов. В репертуар указанных ансамблей входят танцы, созданные и передаваемые именно представителями науканского сообщества. При этом значительную долю, наряду с песнями на имакликском языке, занимают тексты на науканском.

Науканский язык представлен и в киноискусстве. Кинорежиссер А. Ю. Вахрушев использует науканский язык в своих фильмах, например, фильм «Книга моря» (2021) содержит значительный объем звучащей науканской речи с дублированием русскоязычными субтитрами. В последние годы А. Ю. Вахрушев работает над фильмом «Нуналихтак – Хозяин земли» («Легенда о горностае»), в котором, по замыслу, актеры будут говорить на науканском, чаплинском и чукотском языках. Еще одной важной инициативой можно назвать документальный фильм «Земли моей начало» (2016), выпущенный Виктором Никифоровым (с. Лаврентия) и рассказывающий об истории Наукана и его жителях.

В сфере литературы науканский язык представлен в книге воспоминаний, составленной Валентиной Григорьевной Леоновой по видеointerview 1997 г. «Наукан и науканцы» [Леонова 2014], в сборнике песен «Науканские напевы» [Науканские напевы 2020], в сборниках стихов науканской эскимоски Зои Ненлюмкиной [Ненлюмкина 1979, 1985, 1990], в статье о чукотском поэте Тасяна Сергеевича Теина «Олени ждали его» [Теин 1981], в книге журналистки Нины Сергеевны Энмынкау «Старики всегда учили нас добру» [Энмынкау 2016]. Это очень ценные, но все же единичные случаи работы отдельных энтузиастов.

В сфере СМИ науканский язык представлен сейчас очень эпизодически: в эфире чукотского радио (ГТРК «Чукотка») иногда ставят архивные записи эфиров Н. С. Энмынкау, которые она вела в том числе на науканском. Среди них есть и репортажи, и сообщения с мест, где можно услышать речь науканцев из разных сел. Об историях, рассказанных на радио, о встреченных людях Нина Сергеевна пишет в упомянутой выше двуязычной книге «Старики всегда учили нас добру» [Энмынкау 2016] и, уже только по-русски, в недавно вышедшей «Стойбище моего детства» [Энмынкау 2024]. Сейчас вещание на науканском не осуществляется, хотя продолжают радиопередачи на чаплинском языке.

В языковом ландшафте науканский язык представлен, пожалуй, лишь на памятнике-календаре в с. Лаврентия. Здесь названия месяцев года приведены на русском, чукотском и науканском языках (рис. 4).

Рис. 4. Календарь в с. Лаврентия, июль 2022 г. (фотография О. М. Павловой)

Fig. 4. Calendar in the village of Lavrentiya, July 2022 (photograph by O. M. Pavlova).

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что языковая инфраструктура науканского языка представляет собой комплекс уникальных, очень ценных, но, к сожалению, единичных фактов, событий, мероприятий и продуктов, созданных энтузиастами. Не каждый язык России может похвастать тем, что на нем говорят в полнометражном художественном фильме. Однако вероятность услышать или увидеть применение науканского языка в повседневности в настоящее время стремится к нулю.

2. Языковые идеологии науканского сообщества

Языковые идеологии науканского сообщества исследовались, в основном, по интервью, проведенным в 2024 г. в сс. Лаврентия, Уэлен (М. Ю. Пупыниной и Е. М. Будянской) и в г. Анадыре (О. М. Павловой). Для этого автором статьи был разработан специальный краткий опросник, который либо внедрялся в иные социолингвистические опросники, либо использовался самостоятельно. Также при необходимости привлекались данные, полученные в ходе социолингвистических интервью, проведенных в 2022–2023 гг., а также результаты включенного наблюдения во время экспедиций на Чукотку и невключенного наблюдения за чатом «Юпик» (см. раздел 1.3).

Как правило, в научной литературе упоминаются языковые идеологии, действующие в настоящем и прошлом, но иногда имеющие потенциал влияния (часто негативного) на ревитализацию: фольклоризация, гипертрадиционализация (см., например, [Sallabank, Marquis 2018]), восприятие языка как элемента прошлого и старины (см., например, [Боргоякова, Гусейнова 2017]). Известны идеологии, связанные с пуристическим отношением к языку и критическим восприятием компетенций тех носителей, кто в силу своего более молодого возраста и уязвимого состояния языка владеет им хуже [Pischlöger 2016]. Описаны идеологии стандартного языка, аутентичности и принадлежности [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 115–116]. Актуальность изучения языковых идеологий может быть выражена следующим образом: «Первым шагом при планировании новых стратегий ревитализации должно быть изучение существующих языковых идеологий и языковых установок в данном обществе или общине. Без этих знаний усилия по ревитализации могут потерпеть неудачу» [Dołowy-Rybińska, Hornsby 2021: 115–116; цит. по: Агранат 2024: 48].

Вопросы, выбранные для оценки языковых идеологий науканского сообщества, касались разных аспектов отношения респондентов к языкам Восточной Чукотки (с акцентом на науканском языке), их носителям, необходимости и перспективам сохранения языков в России и «по ту сторону Берингова пролива», а также того, как воспринимается актуальная языковая ситуация в науканском сообществе, описанная в разделе 1.

Опросный гайд состоит из пяти блоков вопросов. Приведем их полностью. Пояснительные комментарии к вопросам размещены ниже, в разделах, посвященных анализу ответов:

1. Какой язык проще выучить: чукотский или эскимосский? Почему? С точки зрения произношения / грамматики / слов?
2. Какой язык в более благополучном состоянии сейчас: чукотский или эскимосский? Почему?
3. Вам нравится, как говорят на эскимосском / чукотском языке те, кто моложе вас? Почему так? Что они могли бы сделать, чтобы улучшить свое знание языка?
4. Нужно ли, чтобы эскимосский / чукотский язык жил дальше? Почему? Зачем? Если да, что для этого могут сделать обычные люди, власть?
5. Где больше шансов, что языки сохранятся и будут жить дольше, – у нас или по ту сторону Берингова пролива? Почему?

У нас нет точных сведений о размере этнического сообщества науканских эскимосов, однако можно предположить, что к таковым относится несколько сотен человек. Метод оценки сообщества на основе адаптированного метода экспертной оценки [Вахтин 2001] с тремя экспертами дал список из примерно 100 человек разного возраста (включая детей). Однако по отдельным свидетельствам можно сделать вывод, что это не все представители. Чукотское сообщество как в целом, так и в тех населенных пунктах, где проводилось исследование, количественно превосходит науканцев.

В наших интервью приняли участие как эскимосы (науканцы, в том числе одна науканка, носительница чаплинского языка), так и чукчи. Респондентами стали 12 науканских эскимосов, из них 3 мужчин и 9 женщин в возрасте от 53 до 82 лет; 4 чукчи, все женщины, в возрасте

от 63 до 67 лет. Для соблюдения анонимности в статье приводятся зашифрованные обозначения респондентов по указанной ниже схеме. Например: ЧЖ65Л, ЭМ58У, где:

национальность: Ч или Э (чукча или эскимос);

пол: М или Ж (мужской или женский);

возраст в 2024 г. – двузначное число;

место жительства: Л – с. Лаврентия, У – с. Уэлен, НЧ – с. Новое Чаплино.

Перейдем к результатам исследования и рассмотрим детально полученные по каждому из вопросов данные.

2.1. Какой язык проще выучить: чукотский или эскимосский? Почему? С точки зрения произношения / грамматики / слов?

Данный блок вопросов призван выяснить, как респонденты (эскимосы и чукчи) оценивают свои этнические языки с точки зрения их простоты или сложности в сравнении друг с другом, так как предполагается, что отношение к какому-либо языку как сложному автоматически переносит эту характеристику «сложно» и на гипотетический процесс изучения языка, что может существенно влиять на численность изучающих язык и впоследствии на численность новых носителей языка.

В отношении большей сложности эскимосского, в частности науканского, или чукотского языка большинство респондентов вне зависимости от их этнической и языковой принадлежности и уровня языковой компетенции называли эскимосский язык более сложным в сравнении с чукотским языком как с точки зрения грамматики, так и с точки зрения произношения, в том числе артикуляции специфических звуков. Респонденты высказывались так: *Эскимосский, конечно, сложнее, намного! И в правописании, и так. Когда мы в училище учились, там была Серикова Валентина Александровна, она говорила, что эскимосский по сложности после китайского на втором месте* [ЧЖ65Л]; *Эскимосам проще (выучить) чукотский (эскимосский сложнее и по произношению, и по грамматике)* [ЭЖ82Л]; *Сложнее эскимосский... если бы было легко, мне кажется, «Эргырон» нормально, красиво пропевали бы наши песни* (сложнее по произношению) [ЭЖ65НЧ].

Однако попадались и мнения, высказанные в формате «говорят / считается, что эскимосский сложнее», но сам респондент не был готов согласиться с таким мнением. Как правило, такие ответы могли дать компетентные носители науканского языка:

– *Вроде говорят, что эскимосский [сложнее]...*

– *Но Вы этого не чувствуете?*

– *Нет* [ЭЖ75Л].

В интервью встречались истории о том, что чукчанки, выходя замуж за эскимосов (еще во времена Наукана), выучивали науканский язык, но могли допускать в речи ошибки. Например, респондент ЭЖ75Л рассказала, как невестка-чукчанка знакомых перепутала науканские слова, отличающиеся одним звуком, и сказала вместо «рыболовная снасть» слово «труссы». Маме нашей респондентки было очень смешно, но чтобы не обидеть гостью, она произнесла на науканском языке верное слово в уточняющем вопросе: *Он (свекр) делает рыболовные снасти?*, то есть очень тактично поправила. Респондентка ЧЖ63Л, носительница чукотского языка, отметила, что в эскимосском есть похожие слова с очень разным смыслом, и эскимосы очень смеются, если неправильно сказать, но по-доброму и «у нас никто не сердится».

Только один респондент (ЭМ55У) сказал, что эскимосский выучить легче, чем чукотский.

Таким образом, в сообществе науканцев и чукчей преобладает отношение к эскимосскому языку (а именно науканскому) как к более сложному, особенно с точки зрения произношения, и, соответственно, требующему больше усилий при его изучении. Мы предполагаем, что такое отношение может создавать науканскому имидж «труднодоступного» языка и отрицательно влиять на импульсы некоторых людей к его изучению. В подтверждение приведем цитату Е. О. Опариной: «Понимание сложности языка тесно связано с социальным и культурным контекстом, а не только с объективными лингвистическими параметрами. Эта идеология формирует восприятие языка и влияет на учебные практики и языковую политику» [Опарина 2017].

2.2. Какой язык в более благополучном состоянии сейчас: чукотский или эскимосский? Почему?

В этом блоке респондентам предлагалось оценить актуальное состояние чукотского и эскимосского (эскимосских) языков в сравнении друг с другом и рассмотреть возможные причины, которые привели к этому состоянию. В отношении науканского языка этот блок вопросов может показать, связывают ли респонденты судьбу науканского языка с судьбой Наукана.

подавляющее большинство респондентов ответили, что чукотский язык находится в более благополучном состоянии, чем эскимосский.

Связывается это со следующими факторами:

- численность чукчей на порядок превышает численность эскимосов как на Чукотке в целом, так и в Чукотском районе ЧАО в частности: *Народу больше и больше народу занимается этим (чукотским) языком, учебники создают...* [ЭЖ75Л];

- исконно эскимосских поселков в Чукотском районе больше нет, тогда как чукотские есть, то есть имеются условия для более обширной языковой среды: *Многие говорят (на чукотском), потому что свои есть поселки, а у нас (науканцев) нет своего поселка* [ЭЖ75Л]; *Много поселений чукотских, поэтому чукчи больше общаются друг с другом* [ЧЖ63Л];

- чукотский язык преподается в Чукотском районе в нескольких школах (в сс. Уэлен, Лорино, Лаврентия), науканский эскимосский не преподавался в школах никогда, чаплинский эскимосский преподается и сейчас в трех школах ЧАО, но не в Чукотском районе: *Наверное, чукотский, потому что вот в Лорино преподают* [ЧЖ65Л];

- по мнению респондентки ЭЖ82Л и по нашим полевым данным, *чукотский язык еще передается детям в семье в стойбищах и в отдаленных национальных селах* (Нешкан, Инчоун), тогда как семейная передача науканского языка прервана десятилетия назад;

- чукотский язык в настоящее время представлен в СМИ ЧАО (в сетке национального теле- и радиовещания ГТРК «Чукотка»), чаплинский также можно регулярно слышать по радио, хоть и в меньшем объеме, науканский – нет (только при трансляции архивных радиопередач): *Я думаю, чукотский, потому что, во-первых, больше вещания на чукотском языке...* [ЭЖ75Л];

- видна работа чукотских общественных организаций: *Да и вообще, по-моему, у них там «Чычеткин взгав», как-то они более... да их и больше* [ЭЖ75Л].

Отдельно выделим цитату, которая показывает, что закрытие Наукана стало не только причиной исчезновения (или сильной трансформации) науканской языковой среды в те и последующие времена, но и прямо называется трагедией науканского народа, предопределившей дальнейшее угасание языка:

- *Мое мнение, почему чукотский сохранился как язык, потому что чукотские селения укрупняли, а не закрывали, как эскимосские. Это была трагедия, настолько трагедия всего народа... как их переселили, потом как их воспринимали, и до сих пор. Как они оставили свой быт, шикарнейший быт на тот момент... я не могу без слез... меня там не было, но какая-то генетическая память возвращается, у меня слезы наворачиваются... Наукан для меня – большой красивый организм, а его взяли просто расчленили, разорвали, вырвали.*

- *Обсуждалась ли эта трагедия в семье у вас?*

- *Это было запрещено. Может быть, между собой говорили, плакали* [ЭЖ53Л].

Примечательна и такая цитата, в которой говорится о чукотском языке, но оснований думать, что к эскимосским языкам было иное отношение, скорее, нет: *Конечно, многое сыграло... простите меня за... конечно, когда вот пришли... русские (смущение), пошла эта русификация, даже запрещали говорить на чукотском. Если дети из тундры приезжали, им прямо говорили не говорить, только по-русски: «Чукотский, он тебе нигде пригодится!» Это учителя говорили. «Чтоб я чукотскую речь не слышала!» (в коридорах школы). Завроно говорила! [ЧЖ65Л].* Напомним, что и чукотский язык в настоящее время находится в неблагополучном состоянии.

Таким образом, актуальное состояние эскимосского (науканского) оценивается всеми респондентами, вне зависимости от их этнической принадлежности, как более уязвимое по сравнению с чукотским языком. В отношении судьбы науканского языка и закрытия Наукана, респонденты видят взаимосвязь через тот факт, что у носителей науканского языка, в отличие от носителей чукотского языка, многие десятилетия нет своего места компактного проживания, своего по-

селка, где могла бы быть создана естественная языковая среда, что негативно сказалось на сохранности науканского языка. А также и в том, что закрытие поселка стало для науканцев трагедией. Нельзя скидывать со счетов и влияние политики русификации на миноритарные языки, в том числе науканский. В целом опрошенные респонденты достаточно пессимистично оценивают современное состояние науканского языка, что вполне отражает актуальную языковую ситуацию, описанную в разделе 1. Такой взгляд не способствует сохранности языка и стремлению сообщества к его ревитализации.

Также в интервью с некоторыми респондентами сравнивались ситуации науканского и чаплинского языков.

Были получены следующие ответы: *Если сравнить науканский и чаплинский, то чаплинский в более благополучном состоянии, так как тоже издаются учебники (как и для чукотского)... дети знают отдельные слова, отдельные предложения, так как в школе его там преподают* [ЭЖ82Л].

Этот же респондент предполагает, что на чаплинском говорят около ста человек, а *нас-то* (науканцев) *совсем мало осталось, нас можно по пальцам пересчитать* [ЭЖ82Л].

В то же время жительница с. Новое Чаплино, науканка по происхождению и компетентная носительница чаплинского языка (ЭЖ65НЧ), едва смогла насчитать десять говорящих носителей чаплинского языка в своем селе, несмотря на то что Новое Чаплино считается эскимосским селом. При этом респондентка уточнила, что носители чаплинского живут также и в сс. Сиреники, Уэлькаль, Эгвекинот, Провидения. По степени благополучия языка она отдала 60 % чукотскому и по 20 % науканскому и чаплинскому, фактически приравняв их по уровню. Несмотря на объективно более слабую языковую ситуацию науканского языка, респондентка или повышает его уровень, или занижает уровень чаплинского. Такие эффекты, когда языковая ситуация у условных «соседей» представляется более благополучной, нередки.

2.3. Вам нравится, как говорят на эскимосском / чукотском языке те, кто моложе вас?

Почему так? Что они могли бы сделать, чтобы улучшить свое знание языка?

Этот блок вопросов призван выявить пуристические языковые идеологии, о которых говорят в тех случаях, когда более компетентные носители языков воспринимают речь менее компетентных говорящих как недостаточно хорошую и нередко сообщают им об этом, не всегда в корректной форме. Такая языковая идеология может привести к самым печальным последствиям для языка, когда менее компетентные носители перестают говорить на языке и развивать свои языковые компетенции из-за критики «нахмуренных старейшин, которым все не нравится» [выражение А. Акулова; цит. по: Харитонов 2019].

У респондентов, представляющих науканский язык в исследовании, идеи услышать науканскую речь от молодых вызывают большое удивление:

– *Вам будет приятно услышать науканскую речь?*

– *Конечно, сам-то я не говорю, так хоть других послушаю. А, кстати, молодые... я не знаю... молодые, по-моему, вообще ничем не интересуются.*

– *А если бы Вы услышали, что кто-то из молодых говорит?*

– *Я бы поразился! Я бы поразился! (Смеется)* [ЭМ64У].

Да, нормально, конечно, (об отношении к речи молодых с ошибками), но я ни разу не слышала (чтобы молодые говорили по-эскимосски) [ЭЖ73Л].

Также респонденты рассказывали о ситуациях, когда поправляли их самих, как более молодых и менее компетентных носителей: *Меня вон тетя Катя постоянно исправляла, говорила: «Русская, дай конфету!»* [ЭЖ73Л].

Нам рассказывали о ситуации, когда одна пожилая носительница науканского делала замечания об использовании языка другой пожилой (но моложе на 10 лет) носительнице в присутствии ее внучки. Мы были свидетелями ситуации, когда другая пожилая науканка обратилась к молодой учительнице чаплинского языка по-эскимосски, та ответила, что не говорит на эскимосском, знает его очень мало (увы, это не редкость среди молодых учителей родных языков в России), чем вызвала искреннее удивление и расстройство у вопрошавшей: *как же Вы преподаете...*

Интересно и то, как молодые члены этнического сообщества воспринимают науканскую речь своих пожилых родственников. Здесь нам встретилось несколько позитивных фактов, например:

Мне нравится, когда мы говорим, когда встречаемся, потом внуки говорят: «Наконец-то ты, бабушка, наговорила по-своему!» [ЭЖ75Л].

О реальном опыте общения с молодыми владеющими рассказала носительница чаплинского языка: *Ой, бальзам на душу!; Поправляем, просто без негатива, хвалим наоборот [ЭЖ65НЧ].*

По словам респондентки, самой молодой владеющей чаплинским языком в с. Новое Чаплино 32 года, она усвоила чаплинский язык от бабушки, так как жила с ней. Также есть двое молодых людей 18 лет. Один из них (внук респондентки) понимает обращенную к нему речь и может вести обиходные диалоги. Второй использует охотничью лексику на чаплинском языке. Из десяти компетентных говорящих в Новом Чаплине, указанных нашей респонденткой, восемь человек относятся к возрастной категории старше 55 лет. В возрастной категории старше 40 лет есть носители, способные поддерживать обиходный разговор.

Носительница чукотского языка из с. Лаврентия высказалась гипотетически: *Я бы поправила, но мне было бы очень приятно, что молодые здесь разговаривают, но надо, чтобы без ошибок, без акцентов было; Все-таки, несмотря на то, что говорят вот языки забываются, они (молодые) все равно слушают и понимают, о чем мы говорим, а если совсем говорят: «Мы не понимаем», то мы им говорим: «Вот русский народ стал чукча!» [ЧЖ63Л].*

Также респондентка рассказала, что в детстве, когда они с другими детьми приезжали домой из интерната на летние каникулы, то автоматически начинали говорить на русском языке. Тогда они слышали от взрослых фразу, которая в переводе с чукотского означает «пришли чужими». Это очень обижало детей, и они тут же переходили на чукотский язык.

Таким образом, в отношении языковых идеологий пуризма можно отметить, что некоторые компетентные носители языков, в том числе науканского, допускают (идейно или на практике) замечания в общении с носителями более молодого возраста. Другие же, наоборот, проявляют лояльность.

2.4. Нужно ли, чтобы эскимосский / чукотский язык жил дальше? Почему? Зачем?

Если да, что для этого могут сделать обычные люди, власть?

Этот блок вопросов призван раскрыть отношение респондента к будущему языка, необходимости его сохранения и развития, а также к функциональной оправданности такого процесса. Уточнение о том, что могут сделать обычные люди и власть для дальнейшей жизни языка призвано оценить, как респонденты распределяют ответственность за жизнь языка, осознают свою и чужую роль в этом.

В ответах на эти вопросы, абсолютное большинство респондентов выразило желание, чтобы языки (науканский, чукотский, чаплинский) жили и дальше.

Респонденты осознают ключевую роль повседневной коммуникации на языке внутри семьи. Например, сын респондентки ЭЖ75Л (сейчас ему 53 года) владеет науканским, так как воспитывался у ее родителей: *Вот они на своем языке говорили, вот он до сих пор разговаривает.* При этом ее внуки сейчас живут в других регионах России, соответственно, повседневного доступа к науканской речи у них нет: *Господи, какой там эскимосский, они откуда будут знать...* Респондентка старается разговаривать по телефону с младшим братом, чтобы он не забывал родной язык, живя в другом регионе.

При том, что «межпоколенческая передача языка выступает не просто как процесс обучения, но как социальное обязательство и выражение идентичности, связывающее членов сообщества с их культурными корнями и предками» [Куцаева 2023], нынешнее поколение бабушек и дедушек, владеющих языками, как правило, уже не передает их своим внукам, даже если они живут в одном населенном пункте и на одной территории: *Я вот думаю, нужно, но только я никак не могу понять как... Материалов нужно больше. Могла бы с внучкой заниматься, но нету же ничего [ЭЖ75Л].*

Тем не менее эта же респондентка отвезла внуку, живущему в Москве, диски с материалами на науканском языке, чтобы его заинтересовать, другая бабушка-чукчанка (ЧЖ63Л) говорит, что обращается к двухмесячной внучке по-чукотски, третья (ЭЖ65НЧ) передала обиходный чаплинский внуку и после интервью имела намерение увеличить объем чаплинского в общении с ним.

Заметим, что роль предыдущих поколений бабушек и дедушек в передаче языков младшим часто оценивается респондентами как ключевая. В условиях, когда современные родители науканского этнического сообщества, в абсолютном большинстве, не владеют разговорными

компетенциями (чукотского и чаплинского – в подавляющем), когда в системе образования науканский язык не представлен (чукотский и чаплинский представлены слабо), детям просто неоткуда его узнать. Единственный доступный вариант – принимать участие в чукотско-эскимосских ансамблях и знакомиться с их репертуаром на науканском языке, что, по всей видимости, указывает на наличие в сообществе языковой идеологии фольклоризации. Члены языкового и этнического сообщества сожалеют о прерванной передаче языка, но не предпринимают значительных усилий вне семьи, не инициируют передачу языка в своих семьях, несмотря на то что внутрисемейной передаче языка отводится главенствующее место в большинстве рассматриваемых интервью. По всей видимости, так проявляется действие пессимистичной языковой идеологии, назовем ее идеологией негативной предопределенности, связанной с отношением к языку как к чему-то, что пока еще существует само по себе, но в обозримом будущем исчезнет, и как-то изменить это скорее невозможно, да и бессмысленно: *Да сейчас и эскимосов-то стало очень мало, почти и никого... тем более смешались все* [ЭЖ75Л].

Конечно, ожидать активных действий по ревитализации языков от носителей пожилого и преклонного возраста неправомерно, однако и более молодые члены этнического сообщества массово не предпринимают мер по созданию условий для изучения языка для себя и других. Вероятно, это может быть связано и с ожидаемым отношением к подобным инициативам как к чему-то, что может иметь нежелательные последствия со стороны власти: *Как установилась советская власть, очень много ошибок было сделано. Сейчас, конечно, пытаются изменить что-то, вникают...* (респондентка имеет в виду работу АКМНЧ, ИСС Чукотка). *Но на местах люди под местной властью, и на свои инициативы могут услышать, что они национализмом занимаются* [ЭЖ82Л].

Встречаются ответы, в которых можно предположить действие одной из «стратегий избегания», выделенных Н. М. Дауэнхауэр и Р. Дауэнхауэр [Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. 1998], когда носители языков не связывают свои языковые практики с процессом передачи языка детям и внукам [Агранат 2024: 52]. И даже переносят свою ответственность взрослых за формирование у детей интересов и компетенций, в том числе языковых, на самих детей:

– *А Вам жаль, что сейчас здесь уже не говорят на науканском?*

– *А кому это надо, если честно сказать? ... Конечно, жалко. И вот, необучаемые дети. Сейчас вот ребенка спроси по-чукотски, никто вам не ответит, даже в садике, это мизер, кто понимает. У кого бабушки были с дедушками, те понимали, потому что они только с ними по-чукотски говорили, они по-русски со своими внуками, правнуками они не разговаривали.*

– *То есть дети не хотят?*

– *Наверное, не хотят изучать.*

– *А как Вы считаете, нужно что-то делать?*

– *Конечно, надо! Надо, чтобы знали свой язык! Это очень тяжело, когда не знаешь свой язык.*

– *А что можно было бы сделать сейчас?*

– *Так и так делается, их же обучают (в школе, о чукотском). Все зависит, наверное, от ребенка, как он будет это все. А дома все равно он с родителями разговаривать не будет* [ЭЖ72У].

Даже компетентные носительницы науканского языка, языковые эксперты, признают, что чаще или всегда думают на русском языке, так как русскоязычная языковая среда в повседневности несравнимо превалирует над науканскоязычной. Таким образом, формируются паттерны «говорить, думать, видеть сны» на русском: *Народ-то живой, живет, и надо, чтобы они знали свой язык. Но эта вот обстановка, она не дает, надо все быстрее, так по-русски быстрее, и думаешь уже по-русски* [ЭЖ82Л].

Также в ответах была отмечена идеология принадлежности, выражающаяся в осознании взаимосвязи языка и этнической идентичности: *Как ты можешь бить себя пятаком в грудь где-то и говорить, что ты эскимос, если ты ни одного слова не знаешь. Или там, что ты чукча* [ЧЖ65Л]; *Очень нужно, это даже какому-то обсуждению не подлежит, чтобы остались наша культура, язык, традиции, все, что связано с нами как с эскимосами, не будет языка, не будет народа* [ЭЖ65НЧ].

Помимо передачи языков в семье, респонденты также говорили о том, что для сохранения языков необходимо обучать им детей в детских садах, вводить больше уроков родных языков в школах, проводить занятия в клубах, развивать языковую инфраструктуру в целом и т. д., однако при реализации этих планов остро встанет кадровый вопрос, так как носителей, в частности

науканского языка, находящихся в возрасте социальной и трудовой активности, уже почти нет. С чукотским языком ситуация чуть лучше, но незначительно.

2.5. Где больше шансов, что языки сохранятся и будут жить дольше, – у нас или по ту сторону Берингова пролива? Почему?

Вопросы этого блока призваны раскрыть отношение респондентов к актуальной языковой ситуации и проводимой на Чукотке языковой политике через сравнение с имеющейся у них информацией о языковой ситуации и языковой политике стран Северной Америки. Поскольку многие из наших респондентов или сами посещали Аляску (США), Канаду или Гренландию (Дания) с родственными или культурными визитами, или имели возможность напрямую общаться с теми, кто посещал, у них, как правило, есть некоторое сложившееся мнение по этим вопросам, по которому можно было бы предположить наличие той или иной языковой идеологии.

В ответах на вопрос о том, где больше шансов, что языки (с акцентом на эскимосский) сохранятся и будут жить дальше, – у нас или по сторону Берингова пролива, мнение большинства респондентов сводится к тому, что *там, скорее всего, сохранность получше* [ЭМ64У], *конечно, у них свое село, они разговаривают на своем языке, конечно, дети по-американски учатся, наверное, но дома-то они разговаривают на своем языке, в основном* [ЭЖ75Л], *я даже не могу сказать* (каковы причины), *потому что там тоже засилие государства над этим, но по состоянию языка там лучше* [ЭЖ82Л].

Среди причин, почему «там» языки находятся в лучшем состоянии, респонденты отмечали, что большую роль в языковом сдвиге языков Чукотки сыграла языковая политика советского времени, направленная на активную русификацию коренного населения, а также и то, что русский язык стал лингва франка для местных жителей Чукотки и большого числа приезжих людей:

- *У них меньше от государства давления, им не запрещают.*
- *Но сейчас же и здесь не запрещают?*
- *Да, а раньше русский, русский, русский, везде русский. Здесь в деревне (Уэлен) половина приезжих всегда, и все по-русски* [ЭМ64У].
- *Они там только на своем и говорят.*
- *Как вы думаете, почему так?*
- *А, наверное, у них там общение такое было, там же у них как бы больше со своими, а мы тут среди русских же росли, все это как бы искореняется, что ли* [ЭЖ72У].

Однако, по мнению респондентов, в эскимосских сообществах зарубежья также происходит языковой сдвиг, поскольку представители сообществ, с которыми они общались, выбирали английский язык или часто переходили с языка на язык: *там тоже, наверное, проблема, я так думаю, потому что Энди и Меган, они, в основном, общались на английском* [ЧЖ65Л]; *у них там уже много смешанного с английским, когда приезжали с Аляски в 90-х годах, эскимосы наши понимали, но не всегда, потому что у них уже смешан язык, может быть, даже 50/50, очень много английских слов* [ЧЖ63Л].

При том, что *дети сейчас, в основном, тоже на американском языке говорят* [ЭЖ82Л], респонденты отмечали, что на том берегу пролива применяются интересные меры по сохранению и возрождению языков, например, респондентка ЭЖ82Л, неоднократно бывавшая на Аляске, рассказала о летних загородных лагерях, куда собирают детей, в том числе из неблагополучных семей, и двух пожилых знатоков языка и культуры, и отправляют на месяц-два в отдаленные места. Там дети под руководством знатоков эскимосского языка и культуры добывают пищу, ведут быт и т. д. и, помимо традиционных культурных практик, усваивают язык.

Как было сказано выше, в целом респонденты оценивают состояние эскимосских языков зарубежья как более благополучное, несмотря на очевидные тенденции языкового сдвига. Высоко оцениваются практики сохранения языков, которые применяются на том берегу Берингова пролива и, в силу разных причин, как будто менее доступны на этом. Также важно принять во внимание и тот факт, что численность эскимосов на Аляске несравнимо выше, чем в России, что, как минимум, обеспечивает более устойчивую языковую среду. Также респонденты отмечают негативное влияние политики русификации, проводимой в СССР, на актуальное состояние эскимосских языков России.

Заключение

В статье представлены результаты исследования языковых идеологий науканского сообщества, сопровождаемые также данными о чаплинском и чукотском сообществах. Закрытие поселка Наукан и последующее дисперсное расселение науканских эскимосов негативно повлияло как на сообщество, так и на его язык. В настоящее время науканское языковое сообщество крайне компактно, нами были определены 38 человек, в разной мере владеющих науканским языком, из них 9 человек пожилого и преклонного возраста являются компетентными носителями. Языковая инфраструктура науканского языка представляет собой комплекс ценных, но единичных фактов и продуктов, созданных энтузиастами.

В основу исследования легли ряд социолингвистических интервью и наблюдения в науканском сообществе. В результате было выявлено, что эскимосский язык (науканский) представляется респондентам более сложным по сравнению с чукотским, особенно в фонетическом отношении, то есть присутствует идеология сложности языка. Мы предполагаем, что такое отношение может негативно влиять как на мотивацию людей к изучению науканского языка, так и на появление новых носителей. Также было определено, что, по мнению респондентов, науканский язык находится в более уязвимом положении, нежели чукотский, что несомненно соответствует и мнению лингвистического сообщества. Были выявлены случаи проявления пуристических языковых идеологий, когда более компетентные носители делали замечания менее компетентным или тем, кто моложе. Также была сформулирована языковая идеология негативной предопределенности, которая проявляется в науканском сообществе через ощущение, что изменить очевидные тенденции к угасанию языка в актуальных условиях сложно или невозможно и, по всей видимости, бессмысленно, поэтому, при наличии сожаления об утрате языка и желания, чтобы он жил дальше, члены сообщества в большинстве своем не предпринимают усилий по созданию условий для изучения и передачи языка. Также предполагается присутствие языковых идеологий фольклоризации и принадлежности. Помимо этого, респонденты оценивают состояние эскимосских языков стран Северной Америки и Гренландии как более благополучное и имеют сформированное мнение о том, что там язык еще передается в семье и проводятся мероприятия по его поддержке.

В целом, можно отметить, что при планировании мероприятий по ревитализации науканского языка важно учитывать названные выше языковые идеологии, а также исследовать и принять во внимание языковые идеологии жителей Чукотского района ЧАО, не имеющих прямого отношения к науканскому сообществу.

Список литературы

- Автонова И. В., Суворова И., Альпыгыргын Б. Русско-науканский разговорник. СПб.: Алмаз-Граф, 2024.
- Агранат Т. Б. Языковая лояльность, языковые идеологии, установки и практики в общинах горских евреев московского региона // Родной язык. 2024. № 2. С. 38–58.
- Андреанов В. Р. К вопросу о развитии языковой политики на Чукотке: историко-правовой анализ региональной национальной политики // Социолингвистика. 2024. № 4 (20). С. 132–146.
- Боргоякова Т. Г., Гусейнова А. В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2017. 136 с.
- Вахтин Н. Б. Язык сиренинских эскимосов: тексты, грамматические и словарные материалы. LincomEuropa: München, 2000. 615 с.
- Вахтин Н. Б. Языки народов Севера в XX веке. Очерки языкового сдвига. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 338 с.
- Головкин Е. В., Джейкобсон С., Добриева Е. А., Краусс М. Словарь языка науканских эскимосов. Ок. 6 тыс. слов, с указателем суффиксов и списком топонимов. Фэрбенкс: Университет штата Аляска в Фэрбенксе, Центр изучения языков коренного населения, 2004. 370 с.
- Гондатти Н. Состав населения Анадырской округи // Записки Приамурского отдела императорского Русского географического общества. Т. III. Вып. 1. Хабаровск: Типография при канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1897. С. 166–178.

Гришечко О. С. Языковая идеология: теория описания и практика воплощения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 62–65. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20172617/fulltext> (дата обращения: 02.11.2025).

Днепровский К. А., Шокарев С. Ю. Легендарный эскимосский поселок Наукан в составе номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Журнал Института Наследия. 2019. № 2(17). С. 1–11. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/288.html> (дата обращения: 02.11.2025).

Коломиец О. П. Современная этноязыковая ситуация на Чукотке // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. № 2. С. 119–132.

Крупник И. И., Членов М. А. Динамика этнолингвистической ситуации у азиатских эскимосов (конец XIX в. – 1970-е гг.) // Советская этнография. 1979. № 2. С. 19–29.

Куцаева М. В. На деревню надейся, а сам не плошай: к вопросу о языковых практиках и идеологиях в чувашской и марийской диаспорах Московского региона // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. № 2 (40). С. 65–78.

Леонова В. Г. (сост.). Наукан и наукацы: Рассказы наукацких эскимосов. Владивосток: ОАО «ИПК Дальпресс», 2014. 212 с.

Моргунова-Швальбе Д. Н. Языковая адаптация на примере эскимосов-юпик с. Новое Чаплино, 1998–2018 (Выбор языка и языковое переключение) // Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие / Отв. ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупник. М.: Изд-во PressPass, 2020. С. 95–119.

Наукацкие напевы. Сборник песен и танцев. М.: PressPass, 2020. 124 с.

Ненлюмкина З. Н. Птицы Наукана: Первая книга стихов / Пер. с эскимос. (наукац. диалект) А. Черевченко. Магадан, 1979. 63 с.

Ненлюмкина З. Н. Погуляй со мною, солнышко! Стихи. Магадан, 1985. 35 с.

Ненлюмкина З. Н. Весна счастья: Стихи. Магадан, 1990. 60 с.

Опарина Е. О. Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языка в современных условиях // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2017. С. 173–184.

Пупынина М. Ю. Чукотский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 565–569.

Пупынина М. Ю., Коряков Ю. Б. Ареал распространения наукацкого языка: география многоязычия и динамика контактов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2024. Т. 83. № 1. С. 45–58.

Пупынина М. Ю., Корнев Т. В., Будаянская Е. М., Коряков Ю. Б. Наукацкий язык: расселение Наукана как фактор языкового сдвига // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025. № 2 (Вып. 54). С. 154–169.

Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006. 312 с.

Теин Т. С. О поэте // На севере дальнем. 1981. Вып. 1. С. 91–93.

Тюленёва А. М. Языковая политика и языковая идеология: попытка концептуального уточнения // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2023. № 1. С. 120–127.

Харитонов В. Последняя носительница языка переехала в Геленджик. Перспективы малых языков в России. 2019 [электронный ресурс]. URL: <https://zapovednik.space/material/poslednjajanositelnitsa-jazyka-pereehala-v-gelendzhik> (дата обращения: 02.11.2025).

Хилханова Э. В. Люди в языковой политике: теория и практика дискурсивного поворота в социоллингвистике (на примере России и Западной Европы) // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Vol. 16.3. Pp. 756–815.

Хилханова Э. В. Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 148–162.

Членов М. А., Крупник И. И. Динамика ареала азиатских эскимосов в XVIII–XIX вв. // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос) / Отв. ред. Н. И. Толстой. Л.: Наука, 1983. С. 129–139.

Членов М. А., Крупник И. И. Наукац: главы к истории // Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения / Материалы научно-практической конференции в Анадыре, 12–14 апреля 2016 г. Вып. 1. С. 38–73.

Энмынкау Н. С. Старик всегда учил нас добру. Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 256 с.

Энмынкау Н. С. Стойбище моего детства. Сборник очерков, интервью, репортажей. СПб.: Алмаз-Граф, 2024. 263 с.

Blommaert J. Language policy and national identity // *An introduction to language policy: Theory and method* / Ed. T. Ricento. Oxford: Wiley Blackwell, 2006. Pp. 238–254.

Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska // *Endangered languages: language loss and community response* / Eds. L. Grenoble, L. Whaley. Cambridge, 1998. Pp. 57–98.

Dolowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and Ideologies in Language Revitalisation // *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide* / Eds. J. Olko, J. Sallabank. Cambridge, 2021. Pp. 104–116.

Dyers C., Abongdia J.-F. Ideology, policy and implementation: Comparative perspectives from two African universities // *Stellenbosch Papers in Linguistics*. 2014. Vol. 43. Pp. 1–21.

Fazakas N. Speaking Properly: Language Ideologies of Hungarian Interpreters from Transylvania // *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2022. Vol. 14 (3). Pp. 34–50.

Krauss M. Alaska Native Languages: Past, Present, and Future // *Alaska Native Language Center Research Paper 4*. Fairbanks: University of Alaska, 1980. 121 p.

Kroskrity P. Regimenting Languages: Language Ideological Perspectives // *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities* / Ed. P. V. Kroskrity. Santa Fe: School of American Research Press, 2000. Pp. 1–34.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait, 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. 392 p.

Morgounova Schwalbe D. Language Ideologies at Work. Economies of Yupik Language Maintenance and Loss // *Sibirica*. 2015. Vol. 14. № 3. Pp. 1–27.

Pischlöger C. Udmurt on Social Network Sites: A Comparison with the Welsh Case // *Linguistic Genocide or Superdiversity? New and Old Language Diversities* / Eds. R. Toivanen, J. Saarikivi. Bristol; Buffalo: Multilingual Matters, 2016. Pp. 108–132.

Sallabank J., Marquis Y. ‘We Don’t Say It Like That’: Language Ownership and (De)Legitimising the New Speaker // *New Speakers of Minority Languages: Linguistic Ideologies and Practices* / Eds. C. Smith-Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó. Murchadha. Basingstoke: Palgrave McMillan, 2018. Pp. 67–90.

Woolard K. We Don’t Speak Catalan Because We Are Marginalized: Ethnic and Class Connotations of Language in Barcelona // *Language and Social Identity* / Ed. R. K. Blot. Westport, CT: Praeger Publishers, 2003. Pp. 85–103.

Woolard K. Language Ideology // *The International Encyclopedia of Linguistic Anthropology* / Ed. J. Stanlaw. 2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/9781118786093.iela0217> (дата обращения 02.11. 2025).

References

Agranat T. B. Yazykovaya loyal’nost’, yazykovye ideologii, ustanovki i praktiki v obshchinakh gorskikh evreev moskovskogo regiona [Language loyalty, language ideologies, attitudes, and practices in the communities of Mountain Jews of the Moscow Region]. *Rodnoy Yazyk [Mother Tongue]*. 2024, no. 2, pp. 38–58. (In Russian)

Andrianov V. R. K voprosu o razvitiy yazykovoy politiki na Chukotke: istoriko-pravovoy analiz regional’noy natsional’noy politiki [On the issue of the development of language policy in Chukotka: a historical and legal analysis of regional national policy]. *Sociolingvistika [Sociolinguistics]*. 2024, no. 4 (20), pp. 132–146. (In Russian)

Avtonova I. V., Suvorova I., Al’pygyrgyn B. *Russko-nauchnyy razgovornik [Russian-Naukan phrasebook]*. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024. (In Russian and Naukan Yupik)

Blommaert J. Language policy and national identity. In *An introduction to language policy: Theory and method*. Ricento T. (Ed.). Oxford, Wiley Blackwell, 2006, pp. 238–254.

Borgoyakova T. G., Guseinova A. V. *Status i funktsionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoy Sibiri [Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia]*. Abakan, Khakass State University named after N. F. Katanov, 2017, 136 p. (In Russian)

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Dinamika areala aziatskikh eskimosov v 18–19 vv. [The dynamics of the Asian Eskimo areal in the 18th–19th centuries]. In *Areal’nye issledovaniya v yazykoznanii*

i etnografii (yazyk i etnos) [Areal research in linguistics and ethnography (language and ethnos)]. Tolstoy N. I. (Ed.). Leningrad, Nauka, 1983, pp. 129–139. (In Russian)

Chlenov M. A., Krupnik I. I. Naukan: glavy k istorii [Naukan: chapters to the history]. In *Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya: Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii v Anadyre, 12–14 aprelya 2016 g.* [Safeguard and ensure. Cultural heritage of Chukotka: prospects in protection and conservation: Proceedings of scientific and practical conference, Anadyr, 12–14 April, 2016]. Moscow, 2016, iss. 1, pp. 38–73. (In Russian)

Dauenhauer N. M., Dauenhauer R. Technical, emotional, and ideological issues in reversing language shift: Examples from southeast Alaska. In *Endangered languages: language loss and community response*. Grenoble L., Whaley L. (Eds.). Cambridge, 1998, pp. 57–98.

Dneprovsky K. A., Shokarev S. Yu. Legendarnyy eskimoskiy poselok Naukan v sostave nominatsii v Spisok vseirnogo naslediya YUNESKO [The legendary Eskimo Village of Naukan in the nomination to the UNESCO World Heritage List]. *Zhurnal Instituta Naslediya* [Journal of the Heritage Institute]. 2019, no. 2 (17), pp. 1–11. URL: <http://nasledie-journal.ru/ru/journals/288.html> (accessed 02.11.2025). (In Russian)

Dołowy-Rybińska N., Hornsby M. Attitudes and ideologies in language revitalisation. In *Revitalizing Endangered Languages. A Practical Guide*. Olko J., Sallabank J. (Eds.). Cambridge, 2021, pp. 104–116.

Dyers C., Abongdia J.-F. Ideology, policy, and implementation: Comparative perspectives from two African universities. *Stellenbosch Papers in Linguistics*. 2014, vol. 43, pp. 1–21.

Enmynkau N. *Stariki vseгда uchili nas dobru* [The elders always taught us kindness]. Izhevsk, Print-2, 2016, 256 p. (In Russian, Naukan, and Chaplino Yupik)

Enmynkau N. *Stoybishche moego detstva. Sbornik ocherkov, interv'y, reportazhey* [The camp of my childhood. The collection of essays, interviews, and broadcasts]. St. Petersburg, Almaz-Graf, 2024, 263 p. (In Russian)

Fazakas N. Speaking properly: language ideologies of Hungarian interpreters from Transylvania. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*. 2022, vol. 14 (3), pp. 34–50.

Golovko E. V., Jacobson S., Dobrieva E. A., Krauss M. *Slovar' yazyka naukanskikh eskimosov. Ok. 6 tys. slov, s ukazatelem suffiksov i spiskom toponimov* [Dictionary of the Naukan Eskimo language. About 6,000 Words, with a suffix index and a list of toponyms]. Fairbanks, University of Alaska Fairbanks, Alaska Native Language Center, 2004, 370 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Gondatti N. Sostav naseleniya Anadyrskoy okrugi [Population of the Anadyr district]. In *Zapiski Priamurskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the Russian Imperial Geographical Society]. Khabarovsk, Tip. pri kantselyarii priamurskogo general-gubernatora, 1897, vol. 3, iss. 1, pp. 166–178. (In Russian)

Grishechko O. S. Yazykovaya ideologiya: teoriya opisaniya i praktika voploshcheniya [Language ideology: theory of description and practice of implementation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences: Questions of Theory and Practice]. 2017, no. 11 (77): in 3 pts., pt. 2, pp. 62–65. URL: <https://www.gramota.net/article/phil20172617/fulltext> (accessed 02.11.2025). (In Russian)

Kharitonov V. *Poslednyaya nositel'nitsa yazyka pereekhala v Gelendzhik. Perspektivy mal'kh yazykov v Rossii* [The last speaker of the language moved to Gelendzhik. Prospects for Small Languages in Russia]. 2019. URL: <https://zapovednik.space/material/poslednjaja-nositelnitsa-jazyka-pereehala-v-gelendzhik> (accessed 02.11.2025). (In Russian)

Khilkhanova E. V. Lyudi v yazykovoy politike: teoriya i praktika diskursivnogo povorota v sotsiolingvistike (na primere Rossii i Zapadnoy Yevropy) [People in language policy: theory and practice of the discursive turn in sociolinguistics (based on Russia and Western Europe)]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2020, vol. 16, no. 3, pp. 756–815. (In Russian)

Khilkhanova E. V. Yazykovaya ustanovka i yazykovaya ideologiya v zapadnoy i rossiyskoy nauke: o razgranichenii ponyatiy [Language attitude and language ideology in Western and Russian scholarship: on the distinction of concepts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication]. 2022, no. 3, pp. 148–162. (In Russian)

Kolomiyets O. P. Sovremennaya etnoyazykovaya situatsiya na Chukotke [The contemporary ethno-linguistic situation in Chukotka]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Istoricheskie nauki"* [Bulletin of Omsk University. Series "Historical Sciences"]. 2021, no. 2, pp. 119–132. (In Russian)

Krauss M. Alaska native languages: past, present, and future. In *Alaska native language center research paper 4*. Fairbanks, University of Alaska, 1980, 121 p.

Kroskrity P. Regimenting languages: language ideological perspectives. In *Regimes of Language: Ideologies, Politics, and Identities*. Kroskrity P. V. (Ed.). Santa Fe, School of American Research Press, 2000, pp. 1–34.

Krupnik I. I., Chlenov M. A. Dinamika etnolingvisticheskoy situatsii u aziatskikh eskimosov (konets 19 v. – 1970-e gg.) [The dynamics of the ethnolinguistic situation among Asian Eskimos (late 19th century – 1970s)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1979, no. 2, pp. 19–29. (In Russian)

Krupnik I., Chlenov M. *Yupik transitions: change and survival at Bering Strait, 1900–1960*. Fairbanks, University of Alaska Press, 2013, 392 p.

Kutsaeva M. V. Na derevnyu nadeysya, a sam ne ploshay: k voprosu o yazykovykh praktikakh i ideologiyakh v chuvashskoy i mariyskoy diasporakh Moskovskogo regiona [Rely on the village, but don't falter yourself: on the issue of language practices and ideologies in the Chuvash and Mari diasporas of the Moscow Region]. *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropology*. 2023, no. 2 (40), pp. 65–78. (In Russian)

Leonova V. G. *Naukan i naukantsy: Rasskazy naukanskich eskimosov* [Naukan and the Naukan people: stories of the Naukan Eskimos]. Leonova V. G. (Comp.). Vladivostok, IPK Dalpress, 2014, 212 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Morgounova-Schwalbe D. Language ideologies at work. Economies of Yupik language maintenance and loss. *Sibirica*. 2015, vol. 14, no. 3, pp. 1–27.

Morgounova Schwalbe D. N. Yazykovaya adaptatsiya na primere eskimosov-yupik s. Novoe Chaplino, 1998–2018 (Vybor yazyka i yazykovoie pereklyuchenie) [Language adaptation on the example of Yupik Eskimos of Novoye Chaplino, 1998–2018 (Language choice and code-switching)]. In *Prikladnaya etnologiya Chukotki: narodnye znaniya, muzei, kul'turnoe nasledie* [Applied ethnology of Chukotka: folk knowledge, museums, cultural heritage]. Kolomiyets O. P., Krupnik I. I. (Eds.). Moscow, PressPass, 2020, pp. 95–119. (In Russian)

Naukanskiye napevy. Sbornik pesen i tantsev [Naukan melodies. Collection of songs and dances]. Moscow, PressPass, 2020, 124 p. (In Russian, Naukan Yupik, and Inupiaq)

Nenlyumkina Z. N. *Ptitsy Naukana: Pervaya kniga stikhov* [The birds of Naukan: first book of poems]. Magadan, 1979, 63 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Nenlyumkina Z. N. *Pogulyay so mnoyu, solnyshko! Stikhi* [Take a walk with me, sunshine! Poems]. Magadan, 1985, 35 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Nenlyumkina Z. N. *Vesna schast'ya: Stikhi* [The spring of happiness: Poems]. Magadan, 1990, 60 p. (In Russian and Naukan Yupik)

Oparina E. O. Yazykovaya ideologiya kak faktor, vliyayushchiy na funktsionirovanie yazyka v sovremennykh usloviyakh [Language ideology as a factor influencing language functioning in contemporary conditions]. In *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human: Image and essence. Humanitarian aspects]. 2017, pp. 173–184. (In Russian)

Pischlöger C. Udmurt on social network sites: a comparison with the Welsh Case. In *Linguistic genocide or superdiversity? New and old language diversities*. Toivanen R., Saarikivi J. (Eds.). Bristol, Buffalo, Multilingual Matters, 2016, pp. 108–132.

Pupynina M. Yu. Chukotskiy yazyk [Chukchi language]. In *Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya* [Language and Society: Encyclopedia]. Moscow, Azbukovnik, 2016, pp. 565–569. (In Russian)

Pupynina M. Yu., Koryakov Yu. B. Areal rasprostraneniya naukansкого yazyka: geografiya mnogoyazychiya i dinamika kontaktov [The distribution area of the Naukan language: geography of multilingualism and contact dynamics]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Series of literature and language]. 2024, vol. 83, no. 1, pp. 45–58. (In Russian)

Pupynina M. Yu., Kornev T. V., Budyanskaya E. M., Koryakov Yu. B. Naukan language: rasselenie Naukana kak faktor yazykovogo sdviga [The Naukan language: settlement of Naukan as a factor of language shift]. *Yazyki i fol'klor korenykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia]. 2025, no. 2, vol. 54, pp. 154–169. (In Russian)

Sallabank J., Marquis Y. “We don't say it like that”: Language ownership and (de)legitimising the new speaker. In: *New speakers of minority languages: linguistic ideologies and practices*. C. Smith-

Christmas, M. Hornsby, M. Moriarty, N. Ó. Murchadha (Eds.). Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2018, pp. 67–90.

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov [Dictionary of sociolinguistic terms]. V. Yu. Mikhail'chenko (Ed.). Moscow, 2006, 312 p. (In Russian)

Tein T. S. O poete [About the poet]. *Na severe dal'nem* [In the Far North]. 1981, no. 1, pp. 91–93. (In Russian and Naukan Yupik)

Tyulenyeva A. M. Yazykovaya politika i yazykovaya ideologiya: popytka kontseptual'nogo utochneniya [Language policy and language ideology: an attempt at conceptual clarification]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations]. 2023, no. 1, pp. 120–127. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyki narodov Severa v 20 veke. Ocherki yazykovogo sdviga* [Languages of the peoples of the North in the twentieth century. Essays on language shift]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin, 2001, 338 p. (In Russian)

Vakhtin N. B. *Yazyk sireniskikh eskimosov: teksty, grammaticheskie i slovarnye materialy* [The language of the Sireniki Eskimos: texts, grammatical and lexical materials]. München, LincomEuropa, 2000, 615 p. (In Russian and Sireniki Eskimo)

Woolard K. We don't speak Catalan because we are marginalized: ethnic and class connotations of language in Barcelona. In *Language and social identity*. Blot R. K. (Ed.). Westport, CT, Praeger Publishers, 2003, pp. 85–103.

Woolard K. Language ideology. In *The international encyclopedia of linguistic anthropology*. Stanlaw J. (Ed.) 2021. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1002/9781118786093.iela0217> (accessed 02.11. 2025).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
02.12.2024

Сведения об авторе – Information about the Author

Ольга Михайловна Павлова – магистр лингвистики, младший научный сотрудник Научного центра по сохранению, возрождению и документации языков России Института языкознания РАН (Москва, Россия)

Olga M. Pavlova – Master of Linguistics, Junior Researcher, Research Center for the Preservation, Revitalization, and Documentation of the Languages of Russia, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

o.pavlova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2381-3132>